

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Роман Фрэнка Герберта, ставший классикой научной фантастики, определил не только направление литературы, рассказывающей о далеких планетах и необозримом будущем, но и вдохновил многих сценаристов и режиссеров на создание необъятных миров и космических саг, действие которых происходит в удаленных галактиках.

Мир «Дюны» — это мир будущего, он жесток, безжалостен, полон страха и несправедливости. Теократическое государство с примесью восточной экзотики, острая проблема экологии, непримиримая вражда между правящими Домами и неизбежная война, последствия которой приведут человечество к краху. История разворачивается на пустынной планете Арракис. Ее главная особенность — отсутствие воды и наличие необычного природного ресурса — Пряности, которая служит основным топливом для межгалактических перемещений. Чтобы выжить на Дюне, людям приходится перерабатывать жидкость собственного организма в питьевую воду с помощью специальных костюмов, а также создавать укрытия от огромных песчаных червей в пустыне.

Но несмотря на футуристические декорации, проблемы, которые ставит в своем романе Гер-

берт, восходят к извечным вопросам философии. Этими вопросами задавались еще Платон и Аристотель, беседуя со своими учениками под кронами старого кипариса: природа человеческой души, понятие счастья, взаимодействие религии, политики и власти.

В основе философии ордена Бене Гессерит лежит учение о селекции применительно к человеку, предпосылки которого можно найти в «Государстве» Платона. Образ жизни и воспитание фрименов являются воплощением некоторых идей американского философа Уолдофа Эмерсона. В тактике ведения войны герцога Лето можно заметить следы трудов прусского военного теоретика Карла фон Клаузевица. Самопожертвование и бесстрашие Пола Атрейдеса отсылают к Сверхчеловеку Ницше.

Однако писателя занимали не только идеи классических мыслителей и философов Нового времени. Проблемы экологии оказали не меньшее влияние на формирование уникальной Вселенной Герберта. «Это должен быть экологический роман», — говорит он в кратком предисловии к «Генезису Дюны». Отправной точкой интереса автора к экологии стали зыбучие пески и дюны Орегона. Затем он начал прорабатывать образ Пряности, в котором легко угадывается аллюзия на нефть, в связи с чем автор поднимает острые вопросы войны за стратегические ресурсы. Герберт провидчески указывает на кризис пресной воды, который может коснуться человечества в недалеком будущем. Экологическая повестка романа ярко вырисовывает проблемы, с которыми наша раса столкнулась в XXI веке.

Морально-этические вопросы, касающиеся повсеместного распространения компьютеров и создания искусственного интеллекта, в современном мире оказываются как никогда актуальны. Роботи-

зация рабочего процесса, а в некоторых профессиональных областях и полное замещение человеческого труда заставляют задуматься о ценности человеческой жизни.

Современники Фрэнка Герберта не сразу разделили взгляды дальновидного писателя касательно проблем, которые только должны были коснуться человечества в конце XX века. Он, словно придуманный им Квисатц Хадерах, оказался способен разглядеть в туманном будущем страшные последствия набирающей обороты информационной революции, сдобренной как добродетелью, так и пороками человеческой природы.

В преддверии выхода новой экранизации культового романа мы рады представить читателю настоящую книгу, которая поможет не только разобраться в философии Вселенной Дюны, но и позволит увидеть глубинные смыслы, которые вложил в нее автор.

ИСТОЧНИК: МИФЫ ДЮНЫ

ДАТА: 13000 ПГ

ДОБРО И ЗЛО В «ДЮНЕ» ДЭВИДА ЛИНЧА

Тема противостояния добра и зла повторяется во всех работах режиссера Дэвида Линча в кино и на телевидении. Демонический персонаж Боб и рациональный, добросовестный специальный агент Дейл Купер в «Твин Пикс», мистическая сила, по имени мистер Рок, и хорошая Бетти Элмс в «Малхолланд-драйв» — Линч часто работает с тематикой зла и его последствий, используя образы и символизм, которые указывают на зловещие и зачастую сверхъестественные силы.

Линч часто задумывал существование зла, сосредоточенного в одном месте. В своих ранних работах он раскрывал мрачные секреты маленького американского городка с частными домами и глухими заборами, что, заметнее, к примеру, в «Твин Пикс», «Синем бархате», а потом и в более поздних сюжетах. Режиссер привлекал внимание к зловещей изнанке богатых районов Лос-Анджелеса в «Шоссе в никуда», в «Малхолланд-драйв» и во «Внутренней империи», где воздействие злых сил, как правило, было сфокусировано на конкретной фигуре или на особом, часто очень отдаленном сообществе.

Тем не менее эта отличительная черта Дэвида Линча вышла на совершенно новый уро-

вень, когда он занялся экранизацией «Дюны», романа Фрэнка Герберта. В сюжете барон Харконнен и Император представляют силы зла, а загадочный народ, именуемый фрименами, которых в конечном счете привел к свободе избранный Мессия и Проповедник, Пол Атрейдес, оказываются на стороне добра. В то время, как остальные персонажи Линча, воплощающие зло, как, например, Фрэнк Бут в «Синем бархате», Таинственный человек в «Шоссе в никуда», или Боб в «Твин Пикс», распространяют его целенаправленно на отдельных индивидов или на жителей особых мест, в Дюне зло находит отклик по всей Вселенной. В этом контексте зло овладевает межпланетным пространством. Мир Герберта прошел через масштабные войны, политические распри между Империями, целые народы испытывали страдание, и все это было вызвано и напрямую связано с воздействием сил зла.

Один из самых запоминающихся аспектов экранизации «Дюны» Линчем — характерный способ передачи концепции всепроникающего зла через описание персонажа барона Харконнена. И хотя Император также оказывается на этой стороне, тем не менее Барон, которого можно считать злом во плоти, берет на себя роль настоящего дьявола. У такого представления о зле есть одновременно ментальный и физический аспекты. Барон Харконнен определенно не в себе. Его нестабильное психическое состояние и сексуальные отклонения, которые проявляли себя, когда он убивал своих жертв, придают его злу качество глубокой тревожности. И хотя бы поверхностно дополняет этот образ его физиологическое отличие — гротескно тучное тело.

СТАГНАЦИЯ МИФА

В истории есть, и необходимы, кумиры, вдохновляющие нас, подражая, стремиться к величию. Станет монументальным лишь тот, кто мифологизирован, а не проанализирован и индивидуализирован. Нам должно не доставать определенных подробностей о наших героях, образ должен быть несколько размытым, чтобы мы могли заполнить пробелы своей «романтической выдумкой». То есть, они должны быть достаточно универсальны, чтобы быть актуальными в наше время. Для Ницше здоровая, процветающая культура обладает «пластичной силой» для «внедрения... былого и чуждого», и «восстановления очертаний» прошлого современным языком («Несвоевременные размышления»). В некотором смысле мифологизированные персоны играют для общества роль неписаных законов. Как Сайтейл подметил в «Мессии Дюны», «некоторые считают... что люди остаются верными императорской власти лишь потому, что пространство бесконечно. Без объединяющего символа они чувствуют себя одиноко. Для одиноких людей Император — некая точка опоры. Они могут повернуться к нему и сказать: "Вот же Он. Тот, кто объединяет нас". Пожалуй, религия служит той же цели, милорд».

История может быть созидательной, а для достижения этого она должна быть готова к постоянному самопознанию, и, как Ницше писал в «Несвоевременных размышлениях», «человек должен обладать силой отделять и разрушать часть прошлого и, время от времени, использовать ее». Мы должны судить, основываясь на том, что делает нашу жизнь плодотворной, что заставляет нас расти. Став живым Богом, Муад'Диб осознает опасность религии, и ее творческого духа: «Я сыт по горло Богами и жрецами! Думаешь, я не узнаю соб-

ственную выдумку? Ошибаешься, Хейт. Обряды мои проникли в простейшие человеческие деяния. Люди едят во имя Муад'Диб! Они занимаются любовью во имя меня, рождаются во имя меня — переходят улицу во имя меня. Даже балку не заменят на крыше самой захудалой лачуги на далекой Гангишири, не взови они к благословию Муад'Диб!» («Мессия Дюны»).

Когда люди начинают идеализировать своих кумиров, они становятся инертными. Как Ницше пишет в предисловии к своей книге «Сумерки идолов», «сей очерк есть великое объявление войны; что же касается проверки идолов, теперь это не просто идолы века, это вечные идолы, к которым прикасаюсь я молотом, словно камертоном: не сыскать более ветхих, более уверенных, более надменных идолов». Муад'Диб боится, что станет «надменным», а его творение, его Вселенная, станет слабой и инертной: «И всегда боролся он с соблазном избрать понятный, безопасный курс, предостерегая "Путь этот ведет лишь к стагнации"» («Дюна»). Он уходит в пустыню и становится Проповедником, его второе послание из «нагорной проповеди» в «Детях Дюны» резюмирует его новый помысел: «Опаснейшим из творений есть жесткий моральный кодекс. Он обратится против тебя самого и отправит в изгнание».

Муад'Диб «встряхнул благополучную Вселенную и заменил безопасность джихадом» («Мессия Дюны»), но большой ценой для фрименов Арракиса. Под предводительством Муад'Диб, старые фримены вспоминают, как все было раньше. «Фримены тосковали по былым временам и старому укладу», заметил Сайтейл в «Мессии Дюны» размышляя о том, что подтолкнуло фримена Фарука к заговору против Махди. Также в «Детях Дюны» Стилгар сокрушался, что: «Дружественная пустыня, однажды простиравшаяся от полюса к полюсу,

уменьшилась вдвое. Укрытый зеленью, искусственный рай наполнил его тревогой. Реальность не походила на мечту. Планета изменилась, а он вместе с ней». Изменения, привнесенные Муад'Дибом, лишь вызывали у него отвращение от всего, что тот сотворил, и непреодолимое желание разрушить «созданную вокруг него систему».

РЕЛИГИЯ И СТРАДАНИЯ

Должна существовать наука о недовольстве. Людям необходимо переживать трудные времена и угнетение, чтобы развить психические мышцы.

*Из «Собрания изречений
Муад'Диб»
Принцессы Ирулан («Дюна»)*

Ницше не только философ, но и величайший критик философии. Он предпочитает психологические открытия псевдовеликим и абстрактным философским. Но, опять же, истина заключается не в «малом» или «большом», а в людях. Внутри людей мятежный дух, побуждения их обрывочны, их желания сменяются одно за другим. В «Дюне», фирмены, для которых важна религия и вера в Махди — Мессию — демонстрируют цельность, коей с огнем не сыщешь среди мелочности, разобщенности и упадничества воюющих Домов. В ницшеанском смысле, фирмены оказались куда «разумнее» Атрейдесов или Харконненов, хоть Дома и считали их примитивными и маловажными. На самом деле фирмены гораздо сложнее и сильнее, чем кажется.

Чего нельзя сказать о новом поколении фирменов, таких как Агарвес в «Детях Дюны», «пред-

ставитель нового поколения, разжиревшего от избытка воды». Проповедник увидел, что сотворил: «На краю третьей площадки, Проповедник оглянулся, так, словно мог своими пустыми глазницами видеть разодетых жителей, и среди них фрименов, в одеждах, имитирующих дистикомбы, но по факту, сшитых из декоративных тканей».

Фримены стали «культурными», но утратили твердость и живучесть обитателей пустыни. Пол Атрейдес, Муад'Диб, отражает это раздвоение на дикое и цивилизованное. С одной стороны, видим сына Герцога, получившего образование в лучших школах, обученного религии, философии, управлению и наукам. С другой — Муад'Диб, жителя пустыни, приказывающего сделать барабаны из кожи врага. Грань между цивилизованностью и дикостью оказалась и впрямь очень тонкой. Страдание делает тебя жестким, но, благодаря ему, можно стать человечнее.

Неудивительно, что Фрэнк Герберт обращался за вдохновением к исламской культуре — яркому образцу мифотворчества, смешанному с принятием ужасов и страданий, которые способна преподнести жизнь. Пожалуй, во всей истории не сыскать лучшего примера. В Приложении Герберт пишет:

«Фримены — люди пустыни, и все их предки были привыкшими к неблагоприятным ландшафтам. Мистицизм дается легко, когда пытаешься пережить каждую секунду, преодолевая откровенную враждебность внешней среды... С таким устоем, страдание принимается как должное... изо дня в день, их существование требовало безжалостных решений (нередко, смертоносных), которые в более мягких условиях взвалили бы на человека невыносимое бремя вины».
